

песня дается в сборнике еще в двух записях из деревень Фомин Починок и Бережное (№ 2, 3). Обе они завершаются теми же словами, что и текст № 4 в его подлинном, а не «усовершенствованном» виде (стих «конь подрезал ноженьку по самую щеточку»). Неполнота песни № 4 — не просто недостаток памяти у певиц одной из деревень, но, как показывают №№ 2 и 3, факт жизни песни в местной традиции. Сводный вариант заставил составителей пойти вразрез с этим важным обстоятельством. Они повторили, таким образом, характерную ошибку публикаторов прошлого, применявших в своей практике сводку текстов.

В-третьих, авторы посчитали себя вправе составлять сводные варианты, полагая, что досконально изучили стилистику пения, основываясь на фонограмме. Подобная уверенность в себе — очень зыбкий критерий: наши понятия о местной стилистике пения все время развиваются, и правдоподобие сводного текста, удовлетворявшее сегодняшние представления, станет несостоятельным завтра. Впрочем, не надо заглядывать в будущее. Помимо рассматриваемой песни № 4, где был частично восстановлен словесно-поэтический текст, в той же деревне, в тот же день, от тех же исполнителей были записаны еще три песни (№ 26, 28, 37). Реставрации подвергся напев песни «Об цем Ванюшка-малой да сумлѣвалсе» (№ 26). Как ни странно, по количеству неунисонных звуков в такте (от 2 до 7) именно он превосходит остальные записи от этого же коллектива (от 2 до 4).

В-четвертых, составители могут считать, что частичная реконструкция оправдывается точной документацией привнесений в варианты, взятые за основу публикации. Это — старый довод. Когда метод реконструкции был на вооружении фольклористической науки, естественно, определенных высот достигла и культура представления используемых элементов. Образцом такой точности является, как известно, собрание П. В. Киреевского в первых своих выпусках. И тем не менее эта культура, заключающаяся в подробной газпортизации всех привнесений, не спасла сам метод от перехода в область истории науки. А когда его сменили иные методы издания образцов народного творчества, то выработавшаяся культура, будучи не у дел, забывалась. Все это естественно — сколько старых технологий оказались забытыми! Нельзя не отдать должного составителям рецензируемого сборника: в комментариях они указали, какие песни и из какого источника дополнены. Но в остальном «Устьянские песни» значительно ниже изданий прошлого в плане культуры подачи реконструкций: составители не снабдили реставрированные мелодии никакими пометами, даже не указали, где кончается фрагмент основного варианта и начинается привнесение.

После всего сказанного выше встает еще один вопрос: а нужны ли вообще реставрации народных песен? И здесь следует ответить утвердительно. Характерной чертой современной художественной жизни стало возникновение разного рода ансамблей, воспроизводящих в своих выступлениях народные песни в максимальном приближении к натуральному звучанию. Таким коллективам, особенно самодеятельным, очень нужны тонкие в плане передачи стилистики обработки народных песен, основанные на данных фонограммы. В качестве опытов подобного рода и нужно рассматривать сводные варианты из устьянского сборника. Но для самодеятельных коллективов необходимо специальное издание, уже не относящееся к научно-фольклористическим. Среди же подлинных записей фольклора такие реставрации кажутся неуместными.

М. А. Лобанов

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

А. С. Мыльников. Культура чешского Возрождения. Л.: Наука, 1982, 175 с.

Эпоха национального Возрождения, охватывающая период со второй половины XVIII в. до революции 1848—1849 гг., занимает важное место в истории чешского народа. Это было время кризиса и ломки феодального строя и рождения новой, буржуазно-экономической формации, формирования и самоутверждения буржуазных наций со своей собственной культурой. Национальное Возрождение выдвинуло талантливых деятелей, которые заложили основы чешской культуры нового времени и тем самым внесли вклад не только в национальную, но и общеевропейскую культуру.

Чешское национальное Возрождение неоднократно было предметом исследования. Однако до сих пор нет работ, в которых культура этой эпохи рассматривалась бы как целостное явление, как сложная и динамичная система. Восполнить этот пробел призвана насыщенная богатым фактическим материалом книга А. С. Мыльникова, который на протяжении последних лет много и целеустремленно исследует чешскую культуру.

В рецензируемой работе большое внимание уделено вопросу о роли народной культуры и фольклора в формировании национальной культуры. Это делает книгу Мыльникова интересной и полезной для фольклористов и этнографов.

Культура чешского национального Возрождения предстает перед нами как система, находящаяся в непрерывном развитии. Сердцевинной исторического типа культуры исследователь считает соответствующий ему тип личности. Одним из внешних проявлений системного единства культуры является ее стиль.

А. С. Мыльников считает, что культура каждой эпохи состоит из трех слоев. Во-первых, это культурные ценности, создаваемые в ходе развития материального и духовного производства в данной стране на определенном этапе. Во-вторых, это те ценности, которые в то же время вырабатывались другими народами и в большей или меньшей мере усваивались в процессе строительства национальной культуры (заметим, что такое усвоение непременно предполагает трансформацию). В-третьих, это те ценности, которые были созданы предшествующими поколениями и воспринимались, перерабатывались в культурной практике чешского национального Возрождения. При всем этом культура, в специфической форме выражая и объективизируя жизнь народа, имеет не только этнический, но и социальный, классовый характер.

Каждый из отмеченных Мыльниковым моментов имеет большое значение. Вместе с тем они взаимосвязаны. Когда речь идет, скажем, о культурных контактах, важно учесть и контакты письменной литературы одного народа с фольклором других. Если же ставится вопрос о традиции, то опять-таки нужно, как это и сделано в книге Мыльникова, учитывать фольклорную традицию.

Автор рассматривает основные этапы чешского национального Возрождения: эпоху Просвещения, период «перегруппировки и собирания сил» (1790-е годы — первая четверть XIX в.) и романтическую эпоху. Этим определяется трехчастная композиция книги. В каждом разделе поднимаются проблемы, связанные с народной культурой. Через всю книгу проходит мысль о неумирающей фольклорной традиции. Исследователь кратко характеризует жизнь чешского фольклора после поражения на Белой горе (1620 г.) и приходит к выводу, что «чешское народное творчество оказывалось питательной почвой для формирования национальной культуры в целом» (с. 64—65). Говоря о взаимодействии народного сознания и просветительской идеологии, Мыльников замечает: хотя народ смотрел на мир и оценивал происходившее не с точки зрения абстрактного «мыслящего рассудка», а под углом зрения собственного вполне конкретного социального и культурно-исторического опыта, его позиции и позиции ведущих чешских просветителей во многом совпадали.

Обращение к народному творчеству неотделимо от борьбы за народный язык как основу национальной культуры. Для первой фазы формирования национального самосознания чешского народа было характерно противоречие между чешским национально-патриотическим содержанием и внешней, инонациональной формой его выражения. Но затем, на рубеже 70—80-х годов XVIII в. положение резко меняется. В 1791 г. Ф. М. Пельцль выдвинул идею создания полного словаря чешского языка, одновременно опубликовав по-чешски общедоступную книгу «Новая чешская хроника».

А. С. Мыльников рисует яркую картину борьбы за права чешского языка. Он создает выразительные портреты участников этой борьбы — Й. Юнгмана, Пельцля, Й. Добровского. Деятели чешского Возрождения отчетливо понимали необходимость создания единого общенародного национального языка. Они много сделали, чтобы создать его стабильную основу, нормализовать его грамматическую структуру, кодифицировать его нормы.

По существу уже в эпоху Просвещения складывались те компоненты, которые получают свое дальнейшее развитие и новое качественное наполнение в эпоху романтизма: интерес к отечественной истории, фольклору и проблемам национального языка. Важной в связи с этим представляется характеристика Й. Юнгмана. Он, по словам Мыльникова, стремился обогащать литературный язык народной лексикой, опытом тех славянских языков, которые в то время уже имели богатую литературу. Будучи выходцем из народа, Юнгман старался приблизить язык и литературу к народу. В своей языковой практике он ориентировался на народные массы, из рядов которых формировалась демократическая интеллигенция.

Большое внимание уделяет А. С. Мыльников эпохе преромантизма. Впрочем, здесь он не называет ее так, а пишет лишь о «воздействии новых идей преромантизма и романтизма» (с. 81). Н. Я. Берковский в свое время писал: «Романтизм складывался как целая культура, многообразно разработанная, и именно в этом подобен был своим предшественникам — Ренессансу, классицизму, Просвещению»¹. Факты, приводимые Мыльниковым, и его дальнейшие рассуждения подтверждают это положение. Но возникает ряд вопросов. Можно ли говорить о едином стиле культуры эпохи чешского национального Возрождения? Должна ли речь идти о динамике развития этого *единого* стиля? Или же о смене и сосуществовании различных стилей в пределах одного типа культуры? Вопрос чрезвычайно серьезный. Важность его можно проследить и на примере того, какие качественные изменения претерпевает фольклоризм чешской литературы.

90-е годы XVIII — первая четверть XIX в. были временем, когда чешская общественная мысль начинает уделять все большее внимание общеславянским аспектам чешской культуры. Сама система контактов чешской литературы с другими славянскими литературами приобретает качественно новые черты. Об этом Мыльников рассказывает увлекательно, умело выбирая из огромного количества фактов наиболее существенное. Особо следует выделить раздел о чешско-русских связях. Культурные и литературные контакты предстают перед нами в динамике, как органичная часть всей системы культуры.

В свете системного подхода, в плане типологии культуры рассмотрена и проблема чешского фольклоризма. А. С. Мыльников отмечает, что фольклоризм, как чешский, так и общеславянский, был источником формирования в начале XIX в. чешской национальной культуры, проникнутой романтическим видением мира. Вообще в конце XVIII—

¹ Берковский Н. Я. Романтизм в Германии. Л.: Худож. лит., 1973, с. 19.

начале XIX в. наметилось своеобразное переплетение народной, восходящей к фольклору, и профессиональной культуры, создаваемой образованными слоями чешского общества. Этот процесс составил одну из характерных черт эпохи чешского национального Возрождения.

Нарождающейся национальной культуре были присущи три формы освоения фольклора: собирание, публикация и осмысление фольклора в различных гуманитарных науках, освоение фольклора как одного из источников и образцов литературы и искусства². Об этих формах и идет речь в книге А. С. Мыльникова. Ученый подчеркивает, что деятельность чешских фольклористов имела определенную идеологическую направленность: они не ограничивались собиранием и публикацией народного творчества, но обрабатывали его, зачастую вносили в тексты правку, отвечающую их идейным и эстетическим представлениям о народности в духе романтизма. С помощью этого они стремились нести в массы идеи национального сознания, тем самым «будители» — деятели национального Возрождения — способствовали популяризации народного творчества.

Говоря о фольклоризме чешской романтической литературы, Мыльников останавливается на поэме Карела Гинекса Махи «Май». Комментируя начальные строки первой главы этой поэмы, исследователь отмечает связь ее с народной поэзией. Здесь есть интересные наблюдения об отражении в «Мае» фольклорных образов и мотивов. Но, разумеется, фольклоризм поэмы не только в этом. Он выражается и в том типе героя, который создал Маха, и в общей концепции «Мая», и в своеобразной установке на читателя.

Период романтизма был ознаменован многими интересными процессами в области культуры. Наряду с развитием профессионального искусства происходит и развитие народной художественной культуры. Наблюдается процесс сближения культуры сельского и городского населения. Как подчеркивает А. С. Мыльников, «будители» многое черпали из крестьянской жизни. Это обогащало их творчество и было важным шагом на пути преодоления разрыва между профессиональной и народной культурой.

Благодаря деятельности «будителей» в народной среде все более зрели идеи национального и социального самосознания, отразившие восприятие истории и современности широкими, прежде всего крестьянскими, массами. Как показывает Мыльников, для «будителей» были характерны тенденции синтеза, синкретизма, стремление к созданию национальной культуры. Но эти же тенденции существовали и в народной культуре. Взаимное соприкосновение их, взаимное использование опыта постоянно росли. Это было качественно новое явление. В предшествующий период компоненты рождавшейся национальной культуры были еще недостаточно взаимосвязаны.

Говоря о культурном синтезе, А. С. Мыльников подчеркивает, что чешский романтизм был сложным явлением. Здесь стоило вспомнить положение известного советского слависта С. В. Никольского о центростремительном национальном синтезе, о путях формирования национальных литератур у славянских народов³. Речь идет о своеобразном сосуществовании разных литературных направлений. Ведь и Мыльников говорит о сочетании романтического мира с элементами барокко, философского рационализма и реализма. В литературоведении широко применяется понятие «ускоренное развитие литератур». Применимо ли оно к духовной культуре в целом? Те процессы становления чешской национальной культуры, которые исследует Мыльников, были чрезвычайно интенсивными, причем одновременно проявляли себя тенденции, которые в других культурах нередко были отделены большим промежутком времени.

Завершая свою книгу, А. С. Мыльников говорит об активной, ведущей роли культуры в формировании и углублении национального самосознания. На конкретном материале исследователь показал, как культура чешского национального Возрождения, включившись в освободительное движение, стала его составной частью, его органическим элементом.

Рецензируемая работа дает целостное представление о своеобразии чешской культуры в один из интереснейших периодов ее развития. Этому в значительной мере способствует и то, что в работе сочетаются историко-типологический и социально-структурный принципы описания механизма культуры.

Правда, не все функции культуры освещены в книге одинаково полно. Полагаем, что больше внимания, в частности, стоило уделить ее коммуникативной функции. Ведь развитие культуры связано не только с созданием ценностей, но и с определенным характером их «потребления». Известно, что культурная ценность всегда предполагает ее восприятие, она всегда является приглашением к сотворчеству, соавторству, всегда диалогична по самой своей сущности. В процессе развития культуры чешского Возрождения расширялась сфера ее восприятия, менялся характер воспринимающей аудитории. Отдельные моменты, характеризующие коммуникативную функцию культуры, в книге А. С. Мыльникова рассмотрены, но они все-таки освещены бегло, без выделения главного и существенного.

Наши замечания носят частный характер. В целом же книга А. С. Мыльникова заслуживает положительной оценки. Строгая, продуманная концепция, интересная по-

² См.: Гусев В. Е. Роль фольклора в формировании художественной культуры славянских народов. — В кн.: Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций XVIII—XX вв. М.: Наука, 1978, с. 148.

³ См.: Литература эпохи формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Просвещение. Национальное возрождение. М.: Наука, 1982, с. 102—104.